

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 761–770, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-761-770
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 929.733

Институт зайсанства в традиционном тувинском обществе: история и трансформация в середине XVIII – начале XX вв.

*Салимаа Сергеевна Ховалыг*¹

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-2509-2402. E-mail: salimaa@mail.ru

Аннотация. *Цель* исследования — изучение истории и трансформации института зайсанства тувинского традиционного общества в середине XVIII – начале XX в. как наименее изученного социального института родовой потестарности тувинцев. Сегодня, накануне 100-летнего юбилея со дня создания Тувинской Народной Республики, являющейся официальной датой начала государственности Тувы, является необходимым обращение к историческим корням и изучение института родовых начальников. *Методы.* Опираясь на обширный этнографический материал, документальные архивные источники, а также применяя проблемно-хронологический и структурный методы, методы исторической компаративистики, автор анализирует историю и трансформацию института зайсанства в Туве. *Результаты.* Известно, что ко времени завоевания территории Тувы империей Цин в результате разгрома Джунгарии, у тувинских этнических групп уже имелась устойчивая общественная структура со сложившейся системой управления — зайсанами (чейзен). Институт зайсанства сохранился к началу XX в. в Туве в силу традиций и обычаев, несмотря на все нововведения маньчжурской администрации. Более того, он трансформировался под влиянием завоевателей в государственные органы власти со своей иерархией, функциями и дифференциацией. *Выводы.* В результате трансформации института зайсанов (чейзен) в Танну-тувинских хошунах в связи с особым геополитическим положением сложился особый управленческий аппарат с сильной внутренней автономией, четкой структурой, основанной на жесткой иерархии чинов и склонной к самостоятельности на местах.

Ключевые слова: Тува, традиционное тувинское общество, зайсан, чейзен, чангы, угердаа, амбын-нойон, бугуде-дарга, родовая аристократия, административная реформа

Для цитирования: Ховалыг С. С. Институт зайсанства в тувинском традиционном обществе: история и трансформация (XVIII – начало XX в.). *Oriental Studies*. 2019; (5) 761–770. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-761-770.

UDC 929.733

Zaysanism in Traditional Tuvan Society: History and Transformation in the Mid-18th – Early 20th Centuries

*Salimaa S. Khovalyg*¹

¹ Tuvan State University (36, Lenin St., Kyzyl 667000, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

ORCID: 0000-0002-2509-2402. E-mail: salimaa@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The article examines the history and transformation of zaysanism within traditional Tuvan society between the mid-18th and early 20th centuries, since the phenomenon remains one of the least investigated social institutions of Tuvan tribal structure. *Goals.* The work seeks to explore the history and transformation of zaysanism. Nowadays, on the eve of the 100th anniversary of the establishment of the Tuvan People's Republic — the official date marking the duration of Tuvan statehood — it is necessary to go back to historical roots and explore the institution of clan / tribal rulers. *Methods.* The study involves extensive ethnographic materials, documentary archival sources, and employs the problem-chronological, structural and historical-comparative methods to analyze the backgrounds and transformation of zaysanism in Tuva. *Results.* It is known that well before the defeat of Dzungaria and conquest of Tuva by the Qing Empire, the Tuvan ethnic groups already had a stable social structure characterized by an established administrative system — zaysans (Tuv. чейзен). Despite all innovations of the Manchu government, the institution of zaysanism — enforced by traditions and customs — survived in Tuva to the early 20th century. Moreover, the conquest lead to its further transformation into state authorities with certain hierarchy, functions and differentiation. *Conclusions.* Due to the specific geopolitical whereabouts, the transformation of the institution of zaysans in Tannu-Tuvan banners resulted in the emergence of a special administrative apparatus characterized by significant internal autonomy, well-defined structure, rigid hierarchy, and independence of local rulers.

Keywords: Tuva, traditional Tuvan society, zaysan, chayzen, changy, ugerda, ambyn-noyon, bugude-darga, clan aristocracy, administrative reform

For citation: Khovalyg S. S. Zaysanism in Traditional Tuvan Society: History and Transformation in the Mid-18th – Early 20th Centuries. *Oriental Studies*. 2019; (5) 761–770. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-761-770.

Введение

Современное тувинское общество находится на очередном витке модернизационных процессов, влияющих не только на политическое и социально-экономическое развитие, но и на духовно-нравственные и даже мировоззренческие аспекты культуры тувинского этноса, а также на ментальность народа. В историческом развитии тувинского этноса за последние два столетия неоднократно происходили системные трансформации, обусловившие современный облик тувинского социума. Один из таких витков произошел в XVIII–XX вв., когда территория тувинских племен попала под власть маньчжурской династии Цин. За довольно короткий срок путём административных реформ подверглась трансформации социальная организация тувинских племен, и затем изменения, произошедшие в последующие полтора столетия, плавно привели к формированию новых форм организации

государственной власти и местного самоуправления. В Туве происходит переход от потестарной власти к государственной, сопровождавшийся немалыми трансформациями в социальной сфере.

Актуальность темы определяется тем, что современные процессы глобализации и информатизации, с одной стороны, способствуют дальнейшему развитию тувинского общества, а с другой — неизбежно приводят к исчезновению отдельных элементов традиционного общества. В связи с этим возникает настоятельная потребность в научном осмыслении не только происходящих явлений, но и тех институтов, которые мы рискуем забыть. К числу наименее изученных институтов традиционного тувинского общества относится зайсанство (тув. чейзен) — институт родовых правителей.

Ученые, в разное время исследовавшие историю и этнографию тувинского народа, описали отдельные социальные группы, а

также систему управления тувинскими племенами [Бичурин 1834: 127–128, 130–136; Потанин 1883: 662–663; Яковлев 1900: 88; Грумм-Гржимайло 1926а; Грумм-Гржимайло 1926б: 683–684; Кон 1934: 38; Кабо 1934: 56–60], но научный анализ института родовых правителей, к сожалению, не входил в круг их научных интересов. В советский период также не встречаются специальные работы, посвященные исследованию истории и трансформации института зайсанства. Однако имеются отдельные упоминания в трудах известных советских ученых Л. П. Потапова [Потапов 1969], В. И. Дулова [Дулов 1956].

Научное изучение института зайсанства сегодня активно ведётся исследователями Республики Алтай, Республики Калмыкия. Институт зайсангов изучается в разрезе социальной организации калмыцкого общества в конце XVIII – начале XX в. [Батыров 2004: 7; Батыров 2016: 76–84; Komandzhaev A., Komandzhaev E., Batyrov: 229–233], а также в рамках развития института публичной власти [Команджаев 2019: 219–243].

В связи с возрождением зайсаната в Республике Алтай исследованием истории и современности института зайсанства у алтайцев занимаются историки, этнографы: [Тадина 2008: 169–176; Тадина, Ябыштаев 2016: 181–196; Ябыштаев 2008; Ябыштаев 2016: 313–316].

Современными учёными институт зайсанства раскрывается в контексте этнографии, социальной антропологии, изучаются история института, современное состояние, а также есть работы, рассматривающие зайсанство в контексте обычного права [Учайкина 2013: 171–175; Учайкина 2016: 4].

Однако, поскольку институт родовых начальников тувинского общества середины XVIII – начала XX вв. остается малоизученным, целью настоящей статьи является изучение истории и трансформации института зайсанства в тувинском традиционном обществе.

Материалы и методы. Мы опираемся на принципы историзма и объективизма в качестве теоретико-методологической основы исследования, а при изучении социальных институтов используем комплексный подход, позволяющий провести

всесторонний анализ. Ключевыми методами исторического исследования стали проблемно-хронологический метод и структурный анализ. Принцип историзма позволил изучить исторические условия трансформации института зайсанов (чейзен) в государственный и административный орган власти и управления в период господства маньчжурской империи Цин. Научная объективность была достигнута за счет привлечения и анализа не только исторической литературы, но и архивных источников, а также этнографических материалов по организации и функционированию власти зайсанов в тувинском традиционном обществе. Метод исторической компаративистики позволил провести анализ и изучить историю института родовых начальников, его трансформацию в центральные и местные органы управления. Избранные методы дали возможность подчеркнуть целостность тувинского общества как открытой неравновесной системы, обеспечиваемой такими важными структурными элементами, как кочевое хозяйство и родовое управление. Концепция развития локальных цивилизаций позволяет нам определить традиционное тувинское общество XVIII–XX вв. как цивилизацию, являющуюся неотъемлемой частью кочевой культуры народов Центральной Азии, сложившуюся в процессе самоорганизации и целенаправленного управления зайсанами.

Традиционное тувинское общество включает в себя разные социальные институты, а также способы их организации. Идеологическую основу тувинского общества составляли сакрализация власти, духовная культура и, собственно, религия. Нами, не вдаваясь в теоретические проблемы роли личности в истории, представлена попытка классификации социального облика тувинского чиновничества, являющегося результатом трансформации института родовых начальников традиционного тувинского общества.

В качестве исторических источников в статье использованы опубликованные и неопубликованные архивные документы и этнографические материалы. В частности, в исследовании привлечены архивные документы Государственного Архива Российской Федерации [ГА РФ], Государственного архива Республики Тыва [ГА РТ].

Основная часть

Институт зайсанства тувинцев, история его возникновения, развития и трансформации берут начало из системы родовой организации тувинского общества, сложившейся еще во времена Монгольской империи, созданной чингизидами (XIII–XIV вв.). Сам институт родового правителя был распространенным для внутренней организации кочевых народов (алтайцев, калмыков, тувинцев, монголов и др.).

Тува в середине XVIII – начале XX в. находилась под властью империи Цин. Господство Цинской империи над тувинскими племенами было установлено в 1757 г.¹ и продлилось до 1912 г. Анализ исторической литературы даёт возможность установить факт наличия устойчивой формы социальной организации, существовавшей у тувинских племён еще до завоевания территории современной Тувы маньчжурами. Источники указывают, что тувинские племена делились на «поколения», а «поколения» — на роды. Например, Н. Я. Бичурин отмечает, что народ был разделен на «отоки, анги и цзисаи» [Бичурин 1834: 127–128, 130–136]. «Отоки» — это объединения нескольких родов, составлявшие личный удел хана, верховного правителя всех тувинских племен. «Анги» — это уделы ближайших родственников хана, «цзисаи» же были небольшими уделами, переданными духовенству. Далее Н. Я. Бичурин пишет, что верховным правителем четырех урянхайских племен был Чоросский хан². У Чоросского хана был собственный оток. Необходимо также подчеркнуть, что отоки, анги, цзисаи являлись крупными объединениями, потому что во внутреннем управлении они были разделены на роды, каждым родом управлял один цзайсан (зайсан) [Кабо 1934: 59–60], на тувинском языке называвшийся чейзен. Таким образом, в середине XVIII в. тувинские племена управлялись зайсанами. По словам Н. Я. Бичурина, тувинские зайсаны состояли в родстве с четырьмя ойротскими владетелями, управлявшими анги.

¹ Дата несколько условная, поскольку завоевание Тувы длилось несколько лет, начиная с 1755 г.

² Верховный правитель одного из племен, проживавших на территории Алтая и Тувы в XVII в.

Титул зайсана был наследственным, передававшимся от отца к сыну. Источники также уточняют, что Чоросский хан собирал подать с ханства Урянхайского³ [Потанин 1883: 662–663].

После падения Джунгарии в середине XVIII в. тувинские племена стали маньчжурскими подданными. Для выполнения управленческих задач и эффективного контроля над урянхайскими племенами была проведена административная реформа [Мэн-гу-ю-му-цзи 1895: 70–73, 107, 404–405, 448–451]. Из прежних отоков, анги и цзисаев централизованным путем были сформированы военизированные административные единицы, которые соответствовали маньчжурским «знамёнам» [Потапов 1969: 38]⁴ — хошуны, сумоны и арбаны⁵. Цель реформы заключалась не только в реорганизации родовой системы управления, но и обеспечении приграничной территории постоянным войском, поскольку при первой же необходимости обеспечивался сбор войска. Например, один арбан был обязан выставить 10 мужчин [Липовцев 1828: 100]. Поскольку в одном сумоне могло быть от 5 до 10 арбанов, то даже один сумон мог обеспечить войско в среднем от 40 до 150 всадников в полной боевой экипировке. Как отмечали И. С. Брунерт и В. В. Гагельстром, если в одном хошуне было от 4 до 10 сумонов, то один небольшой хошун представлял собой полк. Несколько тувинских хошунов (полков) составляли дивизию, а пять дивизий — уже корпус [Брунерт, Гагельстром 1910: 371]. Все тувинские хошуны в военном отношении представляли собой серьезную боевую единицу.

В результате проведенной в 1759 г. военно-административной реформы тувинские племена были расформированы в четыре хошуна: Тесингольский (Оюннарский), Хемгольский (Салчакский или Саль-

³ Урянхайский край — официальное наименование территории современной Тувы в русских документах с XVII в., «урянхайцы» — наименование тувинских племен в китайских и монгольских источниках.

⁴ «Знамёна» представляли собой крупные подразделения маньчжурского войска, сопоставимые с европейскими дивизиями.

⁵ Арбан (монг.) — десяток, здесь: мелкая единица военно-административного деления. В тувинских арбанах дворов было более 10, иногда и более 20.

жакский), Тоджинурский (Тоджинский) и Хубсугульский. Однако Хубсугульский хошун уже в 1787 г. был отделен от остальных и переименован в Хасутский. Затем Хасутский хошун был передан в непосредственное управление маньчжурской администрации, находившейся в Улясутае [Потанин 1883: 12].

В 1764 г. в результате раздела западных тувинских племен, обитавших западнее от устья р. Хемчик и находившихся в подчинении монгольского князя, между его сыновьями, имевшими титулы бэйсе и гун⁶, было образовано еще два хошуна: Даа (Хемчикский) и Бээзи. В том же 1764 г. за серьезные проступки князь Даа (Хемчикского) хошуна был лишен титула гун. Административное управление первоначально было передано Кобдоскому хебей-амбыну, а на должность угерда, непосредственно ими управлявшего, утвердили зайсана Шарба. Затем управление Даа (Хемчикским) хошуном было передано Бугуде-дарга амбын-нойону, а Бээзи хошун остался под властью монгольского князя [Потапов 1969: 42].

Государственное и административное управление подчиненными тувинскими племенами было организовано путем преобразования института родовых начальников в институт наместников. В 1762 г. китайская администрация создала в Туве институт всеобщего управителя, которому были подчинены тувинские хошуны. В архивных документах фонда «Управление амбын-нойона» встречается упоминание полного титула всеобщего управителя тувинскими хошунами. В иерархии чинов и должностей, созданной в Цинской империи, всеобщий управитель именовался Бугуде-дарга (Бугдийн-дарга) и был помощником Улясутайского цзянцзюня. В официальной переписке Бугуде-дарга (Бугдийн-дарга) себя именует «Мейрен-чангы амбын, держащий печать всеобщего управления Танну-Урянхаем, удостоенный чингзе первой степени и двучковым павлиньим пером» [ГА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 59. Л. 23; ГА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 83. Л. 11]. Ему были да-

рованы печать⁷, титул гун⁸ [Ховалыг 2016: 19–28], воинское звание командира дивизии (мээрен-чангы или мейрен-цзанги). С 1762 по 1781 гг. Бугуде-дарга танну-тувинских хошунов были монголы [Потапов 1969: 39], потому что все предыдущие четыре тувинских правителя не владели монгольским языком [НМ РТ. Ф. ДПИ. Папка 192. С. 3].

В 1787 г. впервые Бугуде-дарга амбын-нойоном был утверждён тувинский зайсан Даши. После этого на протяжении двух столетий тувинцами управляли его потомки. Последним Бугуде-дарга был Соднам-Балчыр, правивший с 1916 по 1921 гг.

В хошунах административная власть была сосредоточена в канцелярии угерда (угер-даа). Угерда — правитель хошуна, непосредственно подчинялся амбын-нойону и пользовался правами цзасака как правитель княжества, не удостоенный княжеской степени, но обладавший всей полнотой власти в подведомственной ему территории.

Материалы этнографических экспедиций, проведенных учеными со второй половины XIX в., свидетельствуют о том, что, несмотря на проведенную военно-административную реформу, введенный маньчжурами территориальный принцип социальной организации не уничтожил полностью родовые признаки тувинского общества. Например, Е. К. Яковлев, одним из первых поставивший вопрос о родовых отношениях у тувинского народа, пишет, что «сойоты <...> знали три степени родства: торель, сеок торель и хан торель. Торель — все роды, сумо, хошуны сойот, затем роды других племен, считаемых по преданиям родственными сойотами <...> сеок торель — родство по роду, по кости <...>. Наконец, хан торель — кровное родство — считают исчезающим в 5 колене» [Яковлев 1900: 88].

⁷ Все чиновники Цинской империи должны были иметь у себя печати. Печати отливали в соответствии с их рангом, по одному образцу, который утверждался пекинским министерством церемоний. Монгольские князья имели серебряные печати с ручкой в форме тигра, Бугуде-дарга амбын-нойон Тувы имел медную печать с простой ручкой-гвоздем, а печати угерда изготавливались из дерева. А. М. Позднеев в статье «Пять маньчжурских печатей» упоминает о печати амбана в г. Или — литой из серебра и с рукояткой, представляющей собой сидящего барса.

⁸ Гун (кит.) — княжеский титул в середине XVII в.

⁶ Бэйсе (маньж.) гушань бэйцзы — титул князя IV степени; гун (кит.) — титул князей двух степеней, обозначавшихся на монгольском языке улусун тушегун (кит. фын-энь чжэнго гун) — князь V степени и улус-тур тусалакчигун (кит. фугогун) — князь VI степени.

При изучении института зайсанов также необходимо учитывать, что в XIX в. значения имели отношения, связанные с кровным родством, поскольку у части тувинцев представления о сеок-торель были утрачены в связи с проведенной административно-территориальной реформой маньчжурской власти [Дулов 1956: 116; Кон 1934: 143; Потанов 1969: 38].

Изменения в административном устройстве подчиненных племен были направлены не только на укрепление цинской власти в Туве, но и на обеспечение удобства налогообложения. Каждый хошун был обязан выплачивать албан — пушной налог, собиравшийся с каждой юрты, точнее öреге (тув. 'дым от очага в юрте'). Тувинские чиновники вели учёт жителей хошуна и скота, и пушной налог распределялся в соответствии с количеством населения и скота [НМ РТ. Ф. ДПИ. Папка 192. С. 3].

Таким образом, в результате реформ родовой принцип организации общества был заменен территориальным. Тувинские хошуны находились под властью Бугуде-дарга амбын-нойона⁹, хошуном управлял угерда¹⁰, сумоном — чангы (цзангин), арбаном — арбан-дарга (десятник). Поскольку родовая система тувинского народа в конце XIX — начале XX в. слилась с территориальной организацией (хошуны, сумоны и арбаны), то и институт зайсанства в тувинском обществе претерпел серьезные изменения.

⁹ От амбань (маньчж.; монг. сайд) и нойон (монг.). Амбань — титул для лиц, назначаемых пекинским правительством на высшие государственные должности. В Западной и Северо-Западной Монголии такие чиновники именовались амбанами: Улясутайский цзянцзюнь и верховные правители в цинское время находились в городах Урге, Кобдо и Улясутае. В этих городах амбаней полагалось по два: один из маньчжур, а другой — из монголов. *Нойон* (ноян, ноин) — старинный монгольский княжеский титул — владетельный князь. Амбын-нойон — наследственный титул, которым в Туве именовали высшего правителя, которому были подчинены тувинские хошуны.

¹⁰ А также огурта, огурда, ухерида, ухэр-да, у Г. Н. Потанина — ухырда. Угерда (по-китайски цзун-гуань) — правитель, пользовавшийся правами дзасаков (*монг. — правитель княжества, не удостоившийся княжеской степени, но пользовавшийся всей полнотой власти в подведомственной ему территории*); однако должность считалась не наследственной, а выборной — с последующим утверждением цзянцзюнем.

Одним из первых титул «зайсан» проанализировал Б. Я. Владимирцов. «Зайсан» произошел от китайского титула «цзай-сян». Анализ исторической литературы дает основание предположить, что изначально использование титула «цзай-сян», так же как титулов тайби, тайши, относится к Юаньской династии (XIII–XIV вв.) [Владимирцов 1934: 138]. Анализируя распространенные монгольские титулы, Б. Я. Владимирцов приходит к выводу, что, начиная со второй половины XV в., зайсаны являлись правителями аймаков [Владимирцов 2002: 433]. Ученый подчеркивает, что дзайсанги (цзайсаны, зайсанги, зайсаны) были правителями аймаков, отмечая, что «отоки» образовывались не по родовому, а по территориальному признаку: «монгольский оток никак не был союзом кровных родственников, а его предводители, тайши и т. д. вовсе не были родовыми старейшинами. Так как каждый монгольский аймак и оток являлся хозяйственной единицей, имел своего владельца (эжэн), обладавшего правами, полученными им по наследству (наследственный удел), и так как оток мог входить в удел царевича или даже сам составлять этот удел, то на оток (и аймак) можно смотреть, как на кочевой феодал» [Владимирцов 2002: 433]. Интересно, что современные исследователи подчеркивают, что институт зайсанства у калмыков и у алтайцев имеет родовое начало [Батыров 2016: 76–84; Команджаев 2010: 143; Тадина, Ябыштаев 2016: 181–196; Ябыштаев 2008: 162–164]. Тувинские административные единицы (хошуны, сумоны) в официальной переписке назывались по имени правителя, например, сумон чангы Анчыкая [ГА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 40. Л. 72–74].

Институт зайсанства в Туве требует дальнейших исследований, поскольку необходимо выявить предпосылки и механизм трансформации института родовых начальников в системообразующее звено в системе органов местного самоуправления. В частности, китайская администрация, отменив прежние родовые титулы, ввела не только новую организацию общества, но и новую администрацию, иерархию чинов и степеней различия, вобравшую в себя китайские, маньчжурские и монгольские титулы. Основным механизмом замены нововведений стал институт Бугдийн-дарга амбын-нойона, который с одобрения

Улясутайского цзянцзюня назначал и сменил правителей хошунов. В свою очередь, правители хошунов обладали аналогичными полномочиями в отношении сумонных и арбанных начальников. Однако анализ источников и сопоставление архивных документов с этнографическим материалом дают все основания полагать, что институт зайсанства функционировал в Туве так же, как и во всем Алтае-Саянском регионе. По всем признакам институт родовых начальников трансформировался в систему государственной власти, сами зайсаны же постепенно были преобразованы в социальную группу чиновничества. Другими словами, потестарная организация традиционного тувинского общества трансформировалась в административную и государственную. Именно на базе института зайсанов сформировалось и развивалось господствующее сословие Тувы, ставшее социальной базой формирования чиновничества.

В. И. Дулов описывает три группы тувинских зайсанов (чейзеннер). Ключевым принципом деления стал социальный статус бывших зайсанов, занимаемый их потомками в начале XX в. К первой группе им были отнесены зайсаны хошунов, подчиненных монгольским князьям. Именно эта группа сумела целиком сохранить свое административное положение, прежние права и преимущества, а также старые наименования. Остальные две группы зайсанов относились к тувинским племенам, находившимся под властью Бугдийн-дарга амбын-нойона [Дулов 1956: 188–189]. Именно они после включения тувинцев в систему управления в цинском государстве были удостоены китайских чинов и званий. И впоследствии они преобразовались в амбын-нойоны, нойоны, угерда, чангы [ГА РФ Ф. Р-1701. Оп. 1. Д. 24а] и т. д. Третью группу составили зайсаны, по разным причинам утратившие свой статус, не получившие чинов и званий. В новой системе государственной власти формально они не обладали властью, но фактически пользовались рядом преимуществ в силу сохранившихся обрядов и традиций, а также почтительного отношения к ним со стороны аратов [Дулов 1956: 188–189]. Зайсаны хошунов, подчиненных монгольским князьям, сохранив положение пра-

вителей рода, подчинялись монгольским чиновникам (дарга). Эти чиновники командировались в тувинские хошуны сроком на один год, нередко их служба продлевалась намного дольше. Несмотря на фискальные полномочия, дарга часто вмешивался и во внутренние дела хошуна, тем самым ограничивая власть зайсанов. Поскольку зайсаны формально не находились на службе маньчжурской администрации, они не могли получать жалованье из государственной казны, а должны были довольствоваться системой кормления, установленной для правителей сумонов и арбанов.

В установившемся новом порядке организации органов власти и управления в более выгодном положении оказались зайсаны, занявшие высшие должности в новой иерархии. Зайсаны, оказавшиеся на службе маньчжурской администрации, присоединяли к правам родоначальника право на управление от имени маньчжурской власти. Новый порядок дал им полную власть над хошунами и сумонами. Они стали полновластными господами своих родов, и экономически они были более мощными, чем зайсаны первой группы, поскольку формально обладали правом управлять хошуном или сумоном, получая при этом жалованье и налоги с населения на свое имя. Третья группа зайсанов была самой малочисленной. Часть зайсанов, относившихся к третьей группе, несмотря на факт получения маньчжурских чинов и званий, по объему властных полномочий не соответствовала прежнему титулу начальника рода. В первую очередь это хунду¹¹, которого по объему полномочий можно приравнять к помощнику начальника рода, выполнявшему поручения в пределах сумона, а иногда и хошуна — все зависело от характера исполняемых обязанностей. Здесь следует отметить, что традиции зайсанского суда в Туве частично сохранились, поскольку именно на хунду были возложены судебные функции на хошунном и сумонном уровне.

В этой связи также отметим, что чангы и зайсаны исполняли некоторые обязанности, связанные с судом, своеобразные полицейские функции: они были обязаны доставлять подозреваемых к месту судебных

¹¹ Хундуй (хунду, кундуй — сяо-ци-сяо) — примерно соответствует европейскому званию младшего офицера.

заседаний, если дело касалось нескольких сумонов или же хошунов. Иногда эти же функции исполнял бошка¹².

Заключение

Таким образом, институт зайсанства под влиянием внешних обстоятельств трансформировался не только в институт Бугуде-дарга (всеобщего управителя) танну-тувинских хошунов, но и в институт местного управления, получив формальное закрепление в институте управителей отдельных хошунов и сумонов. Надо отметить, что сам титул «зайсан» (чейзен) сохранился в сумонах, подчинявшихся монгольским князьям.

Подводя итоги, необходимо отметить, что институт зайсанства сохранился в Туве в силу традиций и обычаев, продолжавших существовать, несмотря на все нововведения маньчжурской администрации. Более того, он трансформировался под влиянием завоевателей в государственные и административные органы власти и управления со своей иерархией, функциями и дифференциацией.

Из числа прежних зайсанов в Туве был сформирован новый социальный слой — чиновничество, в последующем принявшее активное участие в государственном строительстве Тувинской Народной Республики.

Источники

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
 ГА РТ — Государственный архив Республики Тыва.
 НМ РТ — История прежних нойонов тувинского народа // Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Фонд документально-письменных источников. Папка 192.

Sources

- [History of Ex-Noyons of the Tuvan People]. At: Aldan Maadyr National Museum of the Tyva Republic. Fond of Documents and Written Sources. File 192. (In Russ.)
 State Archive of the Republic of Tyva.
 State Archive of the Russian Federation.

¹² Бошка — сборщик налогов, исполнявший и полицейские функции (поймка и доставка преступников), на головном уборе носил чингзе молочного белого цвета.

Литература

- Батыров 2016 — Батыров В. В. Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX в. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 226 с.
 Батыров 2004 — Батыров В. В. Социально-экономическое и политическое положение нойонов и зайсангов в калмыцком обществе в конце XVIII – начале XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. 25 с.
 Бичурин 1834 — Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом. СПб.: тип. Медич. департ. Мин-ва вн. дел, 1834. 255 с.
 Бруннерт, Гагельстром 1910 — Бруннерт И. С., Гагельстром В. В. Современная политическая организация Китая. Пекин: тип. Успен. монастыря при Рус. духов. миссии, 1910. 80 с.
 Владимирцов 1934 — Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: АН СССР, 1934. 224 с.
 Владимирцов 2002 — Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
 Грумм-Гржимайло 1926а — Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский Край. Т. III. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л.: Гос. Русское Географическое общество, 1926. 413 с.
 Грумм-Гржимайло 1926б — Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Гос. Русское Географическое общество; Тип. Главного ботанического сада, 1926. 900 с.
 Дулов 1956 — Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 608 с.
 Кабо 1934 — Кабо Р. М. Очерки истории и экономики Тувы. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 202 с.
 Команджаев 2010 — Команджаев Е. А. Административная система Калмыкии согласно Положению 1847 г. // Власть. 2010. № 6. С. 142–145.
 Команджаев 2019 — Команджаев Е. А. Институты публичной власти в Калмыкии в XVII – начале XX в. с позиции цивилизационно-культурного подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. 2019. № 23 (2). С. 219–243.
 Кон 1934 — Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет: собрание сочинений. М.:

- Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. Т. III. 293 с.
- Липовцев 1828 — *Липовцев С. В.* Уложение Китайской палаты внешних сношений / пер. с маньчжур. СПб.: тип. Деп. Нар. Просвещения, 1828. Т. I. 362 с.
- Мэн-гу-ю-му-цзи 1895 — *Мэн-гу-ю-му-цзи*. Записки о монгольских кочевьях. Пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1895. 584 с.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: тип. В. Киршбаума. 1883. Вып. 3, 372 с.
- Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 401 с.
- Тадина 2008 — *Тадина Н. С.* «Великое уложение их-цааз» как ойротский документ обычного права в истории зайсаната // Исторический вестник. Сб. науч. тр. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. гос. ун-т, 2008. № 2. С. 169–176.
- Тадина, Ябыштаев 2016 — *Тадина Н. С., Ябыштаев Т. С.* Возрожденный зайсанат как социальный институт родовой потестарности алтайцев // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2016. С. 181–196.
- Учайкина 2013 — *Учайкина А. М.* Зайсанский суд алтайцев по полевым материалам конца XX и начала XXI века [электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6. С. 171–175. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/44.html> (дата обращения: 12.09.2019).
- Учайкина 2016 — *Учайкина А. М.* Обычное право южных алтайцев (конец XIX – начало XXI в.). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2016. 25 с.
- Ховалыг 2016 — *Ховалыг С. С.* Чиновничество Тувы в конце XVIII–XX вв.: проблемы формирования и функционирования аппарата // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1 (23). С. 19–28.
- Ябыштаев 2016 — *Ябыштаев Т. С.* Институт зайсаната у алтайцев: история и современность // Алтай — Россия: через века в будущее. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 260-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай: в 2 тт. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайск. гос. ун-та, 2016. С. 313–316.
- Ябыштаев 2008 — *Ябыштаев Т. С.* О родовой основе возрожденного зайсаната в Республике Алтай // Теория и практика археологических исследований. 2008. № 4. С. 162–164.
- Яковлев 1900 — *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 357 с.
- Komandzhaev A., Komandzhaev E., Batyrov 2016 — *Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., Batyrov V. V.* Changes in the Social Structure of the Kalmyk Society in the late 19th and early 20th century [электронный ресурс] // International review of management and marketing. 2016. Т. 6. № 3. Pp. 229–233. URL: <https://www.econjournals.com/index.php/irmm/article/view/2217/pdf> (дата обращения: 26.09.2019).

References

- [Men-gu-yu-mu-tszi: Notes on Mongolian Nomadic Areas]. P. S. Popov (transl.). St. Petersburg: P. O. Yablonsky, 1895. 584 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V. [Kalmyk Traditional Culture in the Mid to Late 19th Century: Historical Essays]. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2016. 226 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V. [Socio-Economic and Political Statuses of Noyons and Zaisangs in Kalmyk Society: Late 18th – Early 20th Centuries]. A Cand. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 2004. 25 p. (In Russ.)
- Bichurin N. Ya. [Historical Overview of the Oirats (or Kalmyks): since the 15th Century to the Present. Written by Monk Hyacinth]. St. Petersburg: Medical Dept., Ministry of Internal Affairs, 1834. 255 p. (In Russ.)
- Brunnert I. S., Hagelstrom V. V. [Present-Day Political Organization of China]. Beijing: Assumption Monastery, Russian Orthodox Ecclesiastical Mission, 1910. 80 p. (In Russ.)
- Dulov V. I. [Socio-Economic History of Tuva: 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. 608 p. (In Russ.)
- Grum-Grshimailo G. E. [Western Mongolia and the Uryankhai District]. Vol. II: 'Historical Description of the Lands in the Context of Central Asian History'. Leningrad: State Russian Geographical Society; Main Botanical Garden, 1926. 900 p. (In Russ.)
- Grum-Grshimailo G. E. [Western Mongolian and the Uryankhai District]. Vol. III. Part 1: 'Anthropological and Ethnographic Description of the Lands'. Leningrad: State Russian Geographical Society, 1926. 413 p. (In Russ.)

- Kabo R. M. [History and Economy of Tuva: Essays]. Moscow, Leningrad: State Socio-Economic Publ., 1934. 202 p. (In Russ.)
- Khovalyg S. S. The officialdom of Tuva at the end of the 18th – 20th centuries: problems of formation and functioning of the apparatus. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies). 2016. No. 1 (23). Pp. 19–28. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., Batyrov V. V. Changes in the social structure of the Kalmyk society in the late 19th and early 20th century. International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6. No. 3. Pp. 229–233. An Internet resource: <https://www.econjournals.com/index.php/irmm/article/view/2217/pdf> (accessed: September 26, 2019). (In Eng.)
- Komandzhaev E. A. Institutes of public authority in Kalmykia in the 17th – early 20th centuries from the perspective of civilization and cultural approach. RUDN Journal of Law. 2019. No. 23 (2). Pp. 219–243. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. Kalmykia's administrative system according to the Statute of 1847. Power (Vlast'). 2010. No. 6. Pp. 142–145. (In Russ.)
- Kon F. Ya. [The Expedition to Soyotia. Over the Fifty Years: Collected Works]. Moscow: All-Union Society of Pre-Revolutionary Political Convicts and Special Settlers, 1934. Vol. III. 293 p. (In Russ.)
- Lipovtsev S. V. [China's Chamber for External Affairs: Code of Laws]. Transl. St. Petersburg: Dept. of National Education, 1828. Vol. I. 362 p. (In Russ.)
- Potanin G. N. [Sketches of Northwestern Mongolia]. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1883. Vol. 3. 372 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. [The Tuvans: Sketches of Traditional Household Life]. Moscow: Nauka, 1969. 401 p. (In Russ.)
- Tadina N. S. Ikh-Tsaaz: The Great Code of Laws as an Oirat customary law document in the history of zaysanism. In: [Newsletter of History]. Coll. papers. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 2008. Vol. 2. Pp. 169–176. (In Russ.)
- Tadina N. S., Yabyshtaev T. S. The revived zaisanat as an Altaian social institute of clan potestarity. In: [Social Institutions in History: Retrospective and Reality]. Omsk: Dostoevsky Omsk State University, 2016. Pp. 181–196. (In Russ.)
- Uchaykina A. M. [Customary Law of the Southern Altaians: Late 19th – Early 21st Centuries]. A Cand. sc. (history) thesis abstract. Gorno-Altaysk, 2016. 25 p. (In Russ.)
- Uchaykina A. M. The Altaians' zaisan court by field materials of the end of the XXth and the beginning of the XXIst century. Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice (Manuscript). 2013. No. 6. Pp. 171–175. An Internet resource: <http://www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/44.html> (accessed: September 12, 2019). (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. [Mongolic Peoples: Historical and Ethnographic Works]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 557 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. [Social Order of the Mongols: Mongolian Nomadic Feudalism]. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1934. 224 p. (In Russ.)
- Yabyshtaev T. S. Altai Republic: revisiting the clan as a basis for the revival of zaisanat. Theory and Practice of Archaeological Research. 2008. No. 4. Pp. 162–164. (In Russ.)
- Yabyshtaev T. S. The institution of zaisanat among the Altaians: history and contemporaneity. In: [Altay — Russia: Through Centuries into the Future]. Conf. proc. In 2 vols. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 2016. Pp. 313–316. (In Russ.)
- Yakovlev E. K. [Ethnographic Review of the Non-Russian Population of the Southern Yenisei Valley Supplemented with an Explanatory Catalogue of the Ethnography Department of the Museum]. Minusinsk: V. I. Kornakov, 1900. 357 p. (In Russ.)

